

Всеволод Михайлович Гаршин — яркий и оригинальный русский писатель. Его творческое наследие невелико, но, несмотря на это, смогло оказать огромное влияние на русскую литературу. Гаршин создал своеобразный канон русского рассказа, одним из первых обратившись к короткому жанру. В 70-80 годах XIX в. преобладали крупные формы художественной прозы: повести и романы. Творили такие классики, как И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Но на их фоне Вс.М. Гаршин не теряется. Можно сказать, что он основоположник традиции русского рассказа, которую продолжили А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин. Его сюжеты цельны, кратки и полны, финалы почти всегда от-

крыты. Главное новаторство — в конфликте. Любой конфликт у Гаршина происходит в мыслях человека, тема же может быть морально-нравственной или социально-политической, но это не будет конфликтом человека и внешнего мира, это будет всегда именно внутренний конфликт человека. Мир не идёт на конфликт, но его устройство даёт человеку выбор: порядочный человек будет страдать от конфликта, а человек с «мёртвым сердцем» будет искать личную выгоду и тем станет счастлив.

Прямых высказываний о Православии и Церкви у Гаршина мы не нашли, но, проанализировав его произведения и ознакомившись с воспоминаниями современников, можно составить вполне определённую картину. Писатель постоянно испытывал внутренние метания от счастья религиозности к трагедийному осмыслению атеизма. В конце жизни он оказался под влиянием толстовства.

ГАРШИН Всеволод Михайлович (14 февраля 1855 г. — 5 апреля 1888 г.) — русский писатель и поэт, филолог, литератор, художественный критик. Ветеран русско-турецкой войны, боевой офицер. Русский классик, автор повестей, рассказов, новелл и очерков, произведений для детей.

Церковь же относится к Гаршину как минимум без осуждения. Стоит отметить, что Гаршин покончил жизнь самоубийством, но тем не менее был похоронен по обряду. Подобное решение могло быть принято только с учётом того, что писатель находился в болезненном психическом состоянии, то есть самоубийство не было его разумным решением, о чём говорит и сама его форма: Гаршин спрыгнул в лестничный пролёт и умер в больнице через несколько дней.

Архимандрит Савва (Мажуко) так пишет в статье «Остывшая земля», посвящённой В.М. Гаршину¹:

«...Есть люди, которые органически не выносят зла этого мира, им не хватает воздуха, им слишком больно жить. Вчитываясь в их биографии, понимаешь, почему страдают и болеют невинные люди — просто они, пусть и бессознательно, разделяют боль всей земли, страдают и стенают со всем тварным миром от скверны зла, которым люди отравили землю. В отличие от невинных детей Гаршин понимал причину своей боли, он знал, что его мучает...»

Примером авторской рефлексии у Гаршина служит стихотворение, написанное в январе 1876 года:

*Нет, не дана мне власть над вами,
Вы, звуки милые поэзии святой;
Не должен я несмелыми руками
Касаться лиры золотой.*

*Но если сердце злобой разгорится,
И мстить захочет слабая рука —
Я не могу рассудку покориться,
Одoleвает злобная тоска,*

*И я спешу в больных и буйных звуках
Всю желчь души истерзанной излить,
Чтоб хоть на миг один забыть о муках
И язвы сердца утолить.*

И действительно, рассказы Гаршина словно оголённый нерв, выражение ноющей, неизбывной боли. Отчасти такой эффект достигается тем, что автор отлично разбирается в том, что описывает. Следует упомянуть автобиографизм прозы Гаршина. Этот автобиографизм даже определил литературоведческое исследование творчества писателя как непременно биографическое. Даже в нашем исследовании, направленном на выявление христианских мотивов в творчестве, не обойтись без отсылок к биографии.

Первый же рассказ Гаршина «Четыре дня» сразу обратил на себя внимание читателей. Рассказ повествует о четырёх днях, которые провёл раненный в обе ноги солдат Иванов в полном одиночестве поблизости от заколотого им в бою противника-турка. Повествование ведётся от первого лица, позволяя читателю прочувствовать ощущения героя. Финал рассказа повергает в шок подробностью: спасённый солдат лишается ноги. Рассказ носит явный антивоенный характер. Иванов в эти четыре дня увидел «лицо войны», ощутил, что такое беспомощность, осознал, как страдает его оставленная на родине мать. Все эти переживания сталкиваются с прежним патриотическим желанием. Приходит понимание, что война — это страдание, а не геройство или любовь к родине. Противоречие

¹<https://www.pravmir.ru/ostyvshaya-zemlya/>

между долгом и должным, несправедливость мира порождают неразрешимый конфликт. Например, герой понимает, что убитый им турок, собственно, виноват не больше, чем он сам.

Здесь же стоит обратить внимание и на символику числа «4». В христианской традиции «4» — число тела — земного (а «3» — души — небесного). Рассказ же демонстрирует нам именно страдания тела, которые приводят героя к новому пониманию войны. Таким образом, значение тела не умаляется. Четыре всадника апокалипсиса, четыре Евангелия, четыре отца церкви, четыре ветра, несущие Единый дух и т.д. — выражение телесности тесно связано с универсальностью божественного действия во вселенной, материально его выражая.

Как ни парадоксально, но «4» — выражает и идею статичности: действие бога абсолютно в мире, а потому статично: к движению же способен дух. Так и в рассказе: Иванов ранен, его движение ограничено, мир сводится к небольшой поляне, окружённой кустами, видимый мир героя после ранения сводится к травинкам, сору и муравью, и только после этого взор обращается к небу над головой, дальше мир разворачивается горизонтально: взору открывается поляна. Происходит структурализация пространства и устанавливается связь телесности и духа. Мысли, пришедшие к герою, можно расценивать как некое откровение.

Гаршин участвовал в русско-турецкой войне (как и Иванов, отправился туда добровольцем) и был ранен в ногу. В основу рассказа были положены личные переживания, что позволяет говорить об искренности героя Гаршина, о соответствии его мыслей идеям автора (так как отсутствует авторская оценка или же герои, выражающие другую точку зрения). Но Гаршин не даёт ответа, он лишь обозначает проблему.

У Гаршина есть и другие рассказы на военную тему («Денщик и офицер», «Трус»), но этой темой его творчество не ограничивается. Так, важной для писателя была тема творчества, всегда связанная с жертвенностью и служением на благо людей. Гаршин был художественным критиком, писал критические статьи и отзывы на художественные выставки, отлично разбирался в изобразительном искусстве. Например, он написал довольно подробный разбор «Новая картина Семирадского “Светочи христианства”», где описывает недостатки и достоинства картины. Неудивительно, что тема творчества реализовалась в рассказе «Художники», Гаршин избежал понятийной тавтологии, не стал писать о писателе.

«Художники» имеют форму дневников, которые ведут два совершенно различных по духу художника — Дедов и Рябинин. Дедов пишет пейзажи; он талантливый, но не гениальный художник, тем не менее, добивающийся успеха и едущий продолжать образование за границей. Рябинин — лучший на курсе (это признаёт и Дедов), пишет картины на социальные темы. В рассказе звучит вопрос: зачем нужно искусство? И оба героя отвечают на него по-разному. Дедов не способен объяснить сущности искусства яличнику, заменив объяснение названием цен на картины (своей коммерческой хваткой он будет гордиться, определяя, таким образом, ценность искусства деньгами). Но Дедов — не отрицательный персонаж, он, скорее, человек заблуждающийся: в одной из записей он повествует о том, что картина должна быть прекрасна, то есть изображать следует только что-то прекрасное, идилличное, несущее людям визуальное наслаждение. Рябинин же — наоборот, не умеет продавать свои картины, а потому бедствует. Рябинин отрицает какое-либо благостное влияние искусства на людей, но в душе на таковое надеется: он пишет картины, способные найти отклик у людей, родить в них чувство со-

страдания, потому он и пишет картину «Глухарь», изображающую безобразного просторабочего, сидящего в металлическом котле и сдерживающего собственной грудью удары молота. Дедов не отрицает мастерство исполнения картины, но не согласен с её сюжетом, полагая тот недостойным воплощения. Однако картина продана, и после кутежа Рябинин заболевает, следствием чего является его апатия и решение уехать на учёбу в учительскую семинарию. Законченная картина имела успех, но этот успех уже не радует автора: его попытка подтвердила бесполезность искусства для общества, а потому он и решает стать учителем, чтоб тем и служить обществу, в чём он, к сожалению, «не преуспел».

Учитывая творческую манеру самого Гаршина, без натяжек можно определить, что автор выступает на стороне Рябинина, и его записки выражают авторское мнение. Творчество как служение людям невозможно без самопожертвования, а потому сиюминутная слава и признание не имеют к нему никакого отношения, но творец также не может иметь никаких гарантий, что его жертва будет оценена или хотя бы окажется небесполезной. Личное творчество посредством личного переживания отражает идею христианской жертвенности: творец искупает грехи человечества страданием, берёт их на себя — именно этим искусство и должно служить людям.

Рассказ «Встреча» имеет схожее противопоставление мнений двух героев. Василий Петрович и Кудряшов в бытность студентами учились вместе; теперь же Василий Петрович — новый учитель в гимназии, а Кудряшов — нечистый на руку инженер, хвастающий собственным достатком и не скрывающий его происхождение. Василий Петрович полон чистых надежд на собственную благородную будущность в качестве учителя и не принимает положений Кудряшова. Кудряшов сам сравнивает себя с рыбой, не ведающей угрызений совести. Василий Петрович выражает лишь мягкий укор, этот персонаж — неудачник, мечтатель — не лишён гордости и самолюбования, но, столкнувшись с Кудряшовым, Василий Петрович приобретает черты скорее блаженного, человека смиренного, незлобивого, честного. Рыба — известный христианский символ, но Василий Петрович смиренно комментирует такое сравнение Кудряшова: «Вольному воля» и замечает, что в аквариуме растения и животные — морские...

Гаршин страдал приступами нервного расстройства с детства, и однажды даже пребывал на лечении в харьковской психиатрической лечебнице. Впечатления от больницы и собственного недуга нашли выражение в рассказе «Красный цветок». Рассказ повествует о безымянном больном, который замечает в больничном саду алый мак и решает, что в нём заключено всё зло мира, а потому ставит себе цель уничтожить цветок, принять его зло на себя и победить или погибнуть, но спасти всех остальных людей. Автор даёт два ракурса восприятия мира: обычный (все здоровые персонажи и главный герой в ночные периоды незамутнённого сознания) и болезненный (замутнённое сознание главного героя). Причём последнее имеет свою логику и показано психологически достоверно. Главный герой — обладает религиозным сознанием, которое ярче всего проявляется в периоды приступов, фанатичное и способное на самопожертвование. Мысли больного постоянно обращаются к образам, связанным с религией, фанатизмом: инквизиция, великомученик Георгий, Ариман. Сам герой актуализирует противопоставление души и тела: «Святой великомученик Георгий! В руки твои предаю тело мое. А дух — нет, о нет!..» Это противопоставление — лейтмотив рассказа. Больна ли душа у душевнобольного человека? Или же это — болезнь мозга, а значит, тела? Как видим,

главный герой движим благородным, пусть и нелепым, желанием, несколько раз он обращается к ночному небу, таким образом, именно подобное состояние — единственно адекватное восприятию духовного. Ещё два факта обращают на себя внимание: количество сорванных цветков мака (а их три — число души, духовного), противофаза креста и цветка (герой обращает внимание на цветок из-за того, что его цвет ярче, чем цвет креста на колпаках больных, а значит зло сильнее, яркость его больной объясняет тем, что цветок впитал всю невинную кровь). Конечно, Гаршин не разрешает поставленную дилемму, но, возможно, иллюстрирует свой собственный ход мыслей.

Ещё один рассказ, «Ночь», не затрагивает тему сумасшествия, но, для самого автора, скорее всего, служил неким удержанием от самоубийства, сублимированным стимулом к жизни. Алексей Петрович сидит в комнате и собирается покончить жизнь самоубийством (для чего украл пистолет у своего знакомого доктора). Герой предаётся самобичеванию, обвиняя себя в фальши, его сознание словно раздвоено: он ведёт беседу со вторым я, внутренним голосом, подбивающим его на суицид. Но герой обвиняет в фальши не только себя, но и всех людей. И, что важно, он сам не верит своей критике на себя, он не считает себя худшим из людей и не позволил бы кому-то другому критиковать его. Автор намекает, что желание самоубийства у героя — своеобразное проявление гордыни, нигилизм и одновременно претензия на его отрицание. Но Алексей Петрович не совершает самоубийства: он слышит колокольный звон на заутреню и начинает вспоминать своё детство, своего отца, собственное детское восприятие мира, без фальши, без корысти. Библейские мотивы вереницей проходят по его воспоминаниям и открывают простую истину на неправомочность самоубийства. Герой же, исчерпавший собственные силы, но прозревший, тем не менее умирает сам. Он прошёл свой земной путь и совершил самый главный поступок в своей жизни.

Рассказ «Сигнал» поднимает основную тему Гаршина: тему жертвенности, полезности для общества. Рассказ повествует о двух путевых обходчиках — Семёне Иванове и Василии. Василий, обиженный начальством, не сумевший найти правду и в Москве, решается на месть и ломом отворачивает рельс, зная, что скоро пройдёт пассажирский поезд. Семён, застав его на месте преступления, понимает, что поезду надо дать сигнал красным флажком, но флаг — в будке, до которой он не успеет добежать, Семён ножом разрезает собственную руку, мочит в крови платок и так даёт сигнал. Однако из-за слишком глубокой раны силы его покидают, и он падает, импровизированный флаг же подхватывает Василий. Поезд успевае затормозить, Семён лежит в крови без памяти, Василий признаётся в содеянном.

Гуманизм, свойственный Гаршину, имеет непосредственно основу в христианском мировоззрении. Важна необходимость жертвы на благо общества, протекающая из отречения от эгоизма, гордыни, провозглашение смирения, отказ от бунта. Несправедливость мира не должна провоцировать человека на совершение других несправедливостей. Как сказал Семён: «Волк волка ест», но «на то от Бога положение». Моральная правота Семёна утверждает смирение.

Перу Гаршина, кроме рассказов, принадлежат несколько сказок. В данном отношении он считал себя учеником Г.Х. Андерсена, его сказки также философичны и притчеобразны. Христианские мотивы звучат в них более открыто, что позволяла делать форма сказки-притчи. Выбор сюжета для сказок говорит об их долгом обдумывании и детальной проработке.

Сказка «Attalae princeps» рассказывает о пальме, стремящейся прорваться к солнцу и небу. Пальма заключена в ботанической теплице, она скучает о родной Бразилии. Другие растения не разделяют её чувств и считают гордячкой, и только маленькая слабая травка сочувствует ей. Пальма начинает расти и, в конце концов, пробивает потолок из стекла и металла. Но, вырвавшись на свободу, понимает, что совершила ошибку: вне пределов теплицы уже поздняя осень, идёт мокрый снег и дует сильный холодный ветер... Свобода оборачивается гибелью. Директор теплицы приказывает спилить пальму под корень и выбросить на свалку, вместе с ней туда же отправляется и слабая маленькая травка. Концовка сказки словно говорит о тщете усилий, о необходимости смирения, но всё не так просто. Бунт пальмы не является следствием эгоизма, ею движет иное чувство. На самом деле пальма не горда (гордячкой её называют другие растения, автор подчёркивает это), пальма одинока, её разлучили с родиной, с ярким солнцем и чистым небом, лишили свободы, а значит, лишили возможности быть счастливой. Она стремится к солнцу не из эгоизма, а желая обрести свободу, где свобода — не самоцель, для пальмы главным оказалось желание показать другим растениям то, как низки они в своих желаниях, как мелочны, она желала пробудить их от невежества. Интересно, что сюжет о пальме встречается в стихотворении Гаршина «Пленница» 1876 года, сказка же написана в 1879 году. Образ пальмы для Гаршина не случаен, он показывает необходимость бросить мелкие дразги и подняться над мелочностью мира, но предупреждает, что личного счастья такое поднятие не принесёт, а потому — равносильно жертве, жертве ради всеобщего блага.

«Сказка о жабе и розе» также поднимает тему жертвенности как смысла жизни. В заброшенном цветнике расцветает роза, жить цветку — всего три дня (цветок розы как олицетворение душевности). Цветок — воплощение нежной красоты. На него обращает внимание ужасная жаба. Жаба ограничена в своём восприятии красоты, она желает съесть цветок («Я тебя слопаю»). В том же цветнике любил играть мальчик Вася, который тяжело заболел, и его сестра по просьбе мальчика срывает розу (для чего прогоняет жабу). Мальчик целует розу и умирает. Роза посвящает ребёнку не только всю оставшуюся жизнь, пока стояла на столе среди других похоронных букетов, но и после (когда завяла, её засушили и сохранили). Саму эту сказку автору рассказала роза. Таким образом, роза — символ красоты, превращается и в символ памяти, связи людей, жертвенности и благородства. Автор противопоставляет жабе примитивное восприятие красоты более высокому, способному принести в душу покой и радость от созерцания.

«Сказание о гордом Аггее» стоит особняком в творчестве Гаршина. Его стилистика и сюжетопостроение несвойственны автору. Сказка имеет подзаголовок «Пересказ старинной легенды», который и объясняет её особенность. Гаршин воспользовался готовым сюжетом христианской легенды, происходящей из русского перевода «Римских Деяний». Легенда как фольклорный жанр имеет разные варианты, Гаршин, по всей видимости, воспользовался записью из собрания В.И. Даля, которую тот заимствовал из старой рукописи. Вариант Даля приводит и А.Н. Афанасьев в своём сборнике «Народные русские легенды», где для сравнения помещает записанный им народный вариант, в котором Аггея называют просто паном, сюжет заканчивается на избении пана до смерти по приказу его же жены, когда та прочла его тайное письмо и испугалась. Таким образом, Гаршин воспользовался более литературным вариантом.

Использование сюжета говорит об идейной близости Гаршина оригиналу. Однако стоит отметить, что концовку Гаршин пишет свою: у Даля Аггей получает прощение от ангела и продолжает царствовать, теперь уже благородно, соответствуя представлению о христианском правителе, у Гаршина же Аггей отказывается от правления и уходит вместе со слепцами, решая посвятить свою жизнь служению им. В подобном послыле можно увидеть отражение идей толстовства (отказ от привилегий и богатства, уход в народ, непосредственное служение людям, оказание им прямой и посильной помощи).

Таково основное использование христианских мотивов у Гаршина: жертвенность, служение людям вопреки обстоятельствам и отсутствие ожидания благодарности, то есть бескорыстность.

По всей видимости, Гаршин был близок Православию, но психическое здоровье и жизненные препоны порождали некоторое отторжение реальности. Гаршин испытывал внутренние метания, но от собственного мнения, как надо жить, он не мог отказаться.

Приведём ещё одно воспоминание о Гаршине, оставленное его харьковским знакомым Ю. Говорухой-Отроком, которое и приоткрывает эти внутренние метания Гаршина:

«...мы сразу сошлись; сразу же, как говорится с первого слова, так и въехали в область «мировых» и «проклятых» вопросов. Мы тогда, подобно многим тогдашним молодым людям, даже свои житейские, сердечные дела и т. п. сводили более к «мировым» и «проклятым» вопросам... Я помню хорошо один наш разговор, так хорошо и отчетливо, будто это происходило вчера, а не восемь лет назад. Было это здесь, в Харькове, как раз в ночь под Светлый Праздник. Мы пошли бродить по городу, заходили в полутемные церкви, где читались «Деяния», с университетской горки смотрели на движущиеся по всем направлениям огоньки, мерцавшие в фонариках переходящей из церкви в церковь толпы... А весенний воздух был так мягок и душист, а панорама потонувшего в сиянии луны города так поэтична. Не хотелось говорить — хотелось только дышать этим воздухом, смотреть на эту лунную ночь, на эту движущуюся с глухим гулом толпу... Вспоминалось что-то забытое, замершее... Но, в конце концов, разговор свелся на то же... Как это у Гамлета?

*Кто снес бы бич и посмеянье века,
Бессилье прав, тиранов притесненья,
Обиды сильного, забытую любовь,
Презренных душ презрение к заслугам,
Когда бы все окончить мог один удар...
Кто нес бы бремя жизни, с проклятьями, слезами...*

Вот об этом самом и говорили, конечно, другими словами, в других формах — говорили и о возможности «примирения»... Говорили долго, сидя на ступеньках какой-то церкви. Уже ударили в колокол, уже священники и народ прошли мимо нас с хоругвями и крестами; мы видели, как процессия обошла вокруг церкви, потом услышали пение — «Христос воскрес!»

Я помню хорошо эту минуту. Луна ярко освещала лицо В.М., крупные слезы капились из его глаз. И сквозь слезы, нестройным голосом вдруг он произнес: «Зачем все это из меня вытравили?» Я не нашелся, что ответить. Немного погодя он сказал: «Войдем туда». Мы вошли в церковь. Священник стоял перед царскими вратами и, осеняя народ крестом, произнес: «Христос воскрес!» — «Воистину!» —

сдержанным гулом тысячной толпы пронеслось по церкви. И снова: «Христос воскрес!» — И снова тот же гул: «Воистину!» Мы постояли еще немного и вышли из церкви. Ночь была так же чудно хороша, на улицах было совсем пусто. Мы долго шли молча. Вдруг В. М. остановился против меня и выговорил: «А если все это ложь — что же тогда?». Я хотел что-то ответить, но он, нервно замахавши руками, поспешно заговорил: «Нет, нет, не надо, не будем об этом говорить»².

²Цум. По <https://voplit.ru/article/iz-neosushhestvlennyh-zamyslov-v-garshina-publikatsiya-vstupitelnaya-statya-i-kommentarii-d-kobozeva/>